

VUS HAAR

Как создавался мир

VUS HAAR

Как создавался мир

**Серия «Древние цивилизации о
космологии и астрономии», книга 16**

<https://litres.ru/73939514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте: вы стоите на берегу океана в полной тьме. Нет ни времени, ни пространства. Но вот голос произносит слово, птица ныряет в бездну, или гигантское тело разрубают — и рождаются материки, светила, люди. В этот миг рождается каждая культура.

Эта книга — первое собрание космологических теорий творения всех народов Земли: от богословских систем с миллиардами циклов до обрывков мифа у последнего шамана исчезнувшего племени. Мировые религии, древние цивилизации (Шумер, Египет, Крит), северные и южные народы, Австралия с её Сновидением, Америка от ирокезов до инков.

Каждая глава единообразна: акт творения, форма вселенной, гибель мира. Финальная глава сведёт полторы сотни космогоний в таблицы. Почему охотники говорят о «нырянии за землей», земледельцы — о жертве первосущества, а кочевники — о небесной битве? Циклы разрушения и возрождения универсальны. Космология — автопортрет культуры. Для всех,

кто замирал под звездами и думал: а как рассказали бы об этом
мои предки?

Содержание

Пролог	5
Часть I. Мировые религии и их древние корни	10
Глава 2. Христианство	21
Глава 3. Иудаизм	34
Глава 4. Зороастризм	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

VUS HAAR

Как создавался мир

Пролог

Начнем с признания, которое редко встретишь в научных книгах: мы никогда не узнаем, как и когда именно зародился первый космологический миф. Первые *Homo sapiens*, обходившие саванну или мерзлую тундру, уже носили в себе способность задавать вопрос «откуда всё?». Но у них не было письменности, и до нас дошли лишь позднейшие отголоски — в погребальной обрядности, в наскальных рисунках, в осколках костей, разложенных в определенном порядке (космос как небесный шатер?). Однако с момента изобретения письменности — примерно 5400 лет назад в Шумере — мы получаем первые связные тексты о том, как мир был создан. И тут выясняется удивительное: почти сразу мы сталкиваемся не с одной моделью, а с десятками конкурирующих версий даже внутри одной культуры. В древнейшем городе Эриду говорили, что мир родился из водной бездны Абзу. В соседнем Уруке — что небо и землю разделил могучий ветер. А жрецы Ниппура утверждали: всё началось с холма, поднявшегося из океана, и священного брака.

Так начался великий многовековой спор о том, что бы-

ло «в начале». Спор, в котором нет и не может быть победителя — но каждое новое поколение людей придумывает свою версию. Феномен, который мы будем исследовать, заслуживает самого пристального внимания. Ведь космология — не просто раздел мифологии или протонауки. Это глубочайший культурный код. То, как народ описывает рождение неба, земли и звезд, прямо отражает его социальные отношения, тип хозяйства, отношение к смерти и власти, даже ландшафт, в котором он живет. Народ, живущий среди вулканов (скажем, жители Исландии или Камчатки), будет говорить о мире, выплеснутом из огня. Народ, окруженный непроходимыми лесами (кельты или славяне), — о мировом древе, держащем свод. Народ Великой степи — о небесном воителе, который вонзил копье в первичный хаос.

Но есть нечто, объединяющее их всех. Практически в каждой культуре мы находим следующие архетипические блоки:

Изначальное состояние — чаще всего это вода, тьма, пустота, иногда лед или огонь; реже — первозданная гора, яйцо или неразделенная плоть.

Действие демиурга — одиночный бог-творец (иногда уставший от одиночества), пара божеств (небо и земля как супруги), животное-помощник (гагара, утка, черепаха, ворон), или коллективный акт (совет богов, песня предков).

Разделение стихий — отделение неба от земли, суши от воды, света от тьмы; часто этот процесс болезненный (небо

отрывают силой) или даже кровавый.

Создание людей — из глины, дерева, кукурузного теста, пота божества, из крови убитого чудовища или из тени — здесь особенно ярко видны социальные представления.

Несовершенство мира — почему в мире есть зло, смерть, болезни; объяснение через небрежность творца, злого двойника, ошибку при сотворении или наказание первых людей.

Эсхатология — будет ли мир уничтожен, и если да, то когда и как; здесь разброс огромен: от полного не-интереса к концу мира (древнекитайская традиция) до детальных сценариев глобальной катастрофы (Рагнарёк, Кали-юга, пятое Солнце ацтеков).

В этой книге мы рассмотрим каждый блок для каждой традиции. Причем не только «больших» — тех, у кого есть храмы и жрецы, но и «малых» народов, чьи космогонии записаны порой в единственном экземпляре умирающего шамана. Почему это важно? Потому что малые народы часто сохраняют архаичные черты, которые в «высоких» религиях затерты символическими интерпретациями. Например, миф о нырянии за землей (когда творец отправляет птицу или зверя на дно первичного океана за горстью ила) встречается у алтайцев, бурят, некоторых племен ирокезов и даже у средневековых европейских алхимиков — это, видимо, один из древнейших сценариев сотворения, восходящий к еще до-неолитическим временам. В Библии его нет, а у чук-

чей — есть. Значит, изучая чукчей, мы заглядываем в пласт мышления, который сформировался, возможно, десять-двадцать тысяч лет назад.

Мы не будем заниматься апологетикой или критикой какой-либо космологической модели. Наша задача — сравнительный анализ. Мы не спрашиваем «какая теория или взгляд на мир верны?» (вопрос, который каждая религия и каждый народ решают сами для себя). Мы спрашиваем: как устроены эти модели? Какие образы повторяются независимо друг от друга, а какие уникальны? Можно ли построить типологию космогоний по географическому, хозяйственному или лингвистическому принципу? И наконец — самое интересное — что говорит о человеке сам факт, что человек создал так много разных начал мира? Наверное, то, что мы существа, не удовлетворяющиеся случайностью. Нам нужно, чтобы у Вселенной было имя, история и, желательно, дата окончания. Даже если эти истории противоречат друг другу, каждая из них — драгоценный документ того, как *Homo sapiens* учился быть разумным, глядя на ночное небо.

В этой книге мы описываем космологические модели как культурные и интеллектуальные феномены, не занимая позиции об их истинности или ложности. Для верующих каждой традиции их космология — не „модель“, а истина. Мы с уважением относимся ко всем традициям.

Перед вами не энциклопедия — энциклопедии сухи и объективистски. Это скорее **мифографическая симфо-**

ния. Каждая из следующих глав — отдельный инструмент, но вместе они играют единую мелодию: человек везде одинаков в своей потребности объяснить себя миру и мир себе. И чем больше объяснений мы соберем, тем лучше поймем, что значит быть человеком. Итак, перевернем несуществующую страницу. Начинаем от самого начала — от слова, сто-на, танца, сна или выстрела, из которого родилось всё.

Часть I. Мировые религии

и их древние корни

Глава 1. Ислам

Автор данной главы не претендует на тафсир (толкование) Священного Корана в богословском смысле. Изложение исламской космологии полностью основано на работах признанных исламских учёных (ат-Табари, Ибн Касир, аль-Газали, аль-Куртуби, Ибн Аббас, Ас-Саади) и на общепринятых в мусульманской традиции представлениях. Цель главы — описание космологической модели ислама в рамках сравнительного религиоведческого исследования.

Сотворение мира

В исламской космологии мир сотворён Единым и Единственным Богом — Аллахом, Господом миров. Он не имеет нужды в помощниках, не опирается на предсуществующую материю и не вступает в борьбу с хаотическими силами. Творение совершается Его волей и могуществом — и совершается из ничего (*ex nihilo*). Коран многократно утверждает эту истину: «Когда Он желает чего-либо, то стоит Ему сказать: "Будь!" — как оно возникает» (Сура «Йа Син», 36:82). Творческое слово Аллаха не подобно человеческой речи — оно есть сам акт бытия. Между Творцом и творением — абсолютная грань: Аллах вечен, самодостаточен, не нуждается

в творении и не подобен ничему из сотворённого.

Коран не даёт единой развёрнутой космогонии в одной суре. Сведения о творении рассыпаны по разным местам священного текста, и мусульманские богословы на протяжении веков собирали их в стройную картину. Основные этапы таковы. Прежде всего, Аллах сотворил «Престол» (аль-Арш) — величайшее из Своих творений, которое охватывает небеса и землю подобно тому, как купол охватывает строение. Затем была сотворена вода — первая из сотворённых стихий. Над водой был поднят ветер. Из воды, по повелению Аллаха, возникли небеса и земля. Вода здесь — не самостоятельное начало (как это было в некоторых древних верованиях), но послушный материал, созданный Творцом и подчинённый Его воле.

Коран упоминает шесть дней творения (Сура «аль-А‘раф», 7:54; «Йунус», 10:3; «Худ», 11:7; «аль-Фуркан», 25:59). Важно понимать, что «дни» здесь не следует отождествлять с земными сутками, ибо «один день у Господа твоего равен тысяче лет по вашему счёту» (Сура «аль-Хаджж», 22:47), а в другом аяте говорится о дне, равном пятидесяти тысячам лет (Сура «аль-Ма‘аридж», 70:4). Это указывает на то, что этапы творения не укладываются в привычные человеческие временные рамки, а сам временной ритм сотворён Аллахом уже в процессе творения.

Аллах создал семь небес, расположенных одно над другим. Коран говорит: «Он — Тот, Кто сотворил для вас всё,

что на земле, а затем обратился к небу и сделал его семью небесами» (Сура «аль-Бакара», 2:29). В другом аяте: «Мы воздвигли над вами семь прочных (небес)» (Сура «ан-Наба'», 78:12). Самое нижнее небо украшено звёздами, которые служат не только для красоты, но и для защиты от шайтанов (злых духов): «Мы украсили нижнее небо светильниками и сделали их (также) для побивания дьяволов» (Сура «аль-Мульк», 67:5). Над семью небесами возвышается Престол (аль-Арш) — величайшее творение Аллаха, а над ним — Сам Владыка, не занимающий места в пространстве, ибо Он его создатель.

Земля в исламской традиции описывается как постепенно сотворённая и распространённая для обитания человека. Коран говорит о земле как о колыбели, постели или ложе, расстеленном для человечества. Что касается её формы — Коран не даёт прямого указания на её геометрию, и мусульманские учёные на протяжении истории высказывали разные мнения. Некоторые ранние богословы придерживались представления о плоскости, основываясь на видимом опыте. Однако уже средневековые исламские учёные (аль-Бируни, Ибн Сина, Ибн Рушд) писали о шарообразности Земли, опираясь на астрономические наблюдения. Коран называет Аллаха «Господом двух востоков и двух западов» (Сура «ар-Рахман», 55:17) — что может указывать на сложную структуру восходов и закатов на сферической Земле. Твёрдого догмата о форме Земли в исламе нет, и это оставляет

пространство для согласования с научными данными.

Космологическая модель

Исламская цивилизация в эпоху своего расцвета восприняла и развила греческую астрономическую модель (Птолема), согласовав её с кораническими образами. Эта модель была геоцентрической: в центре вселенной — неподвижная Земля, вокруг которой вращаются семь планетных сфер (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн). За ними — сфера неподвижных звёзд, а за ней — «перводвигатель» (мухаррик аль-уля), сообщающий движение всем остальным сферам. В исламском богословии ангелы часто понимались как разумные сущности, управляющие движением небесных сфер.

Семь небес в Коране были истолкованы богословами как эти планетные сферы. Каждое небо имеет своего «смотрящего» — ангела. Самое нижнее небо (сама ад-дунья) — из серебра, на нём расположены звёзды. Второе небо — из золота, третье — из жемчуга, четвёртое — из платины («аль-Байт аль-Ма'мур», Обитаемый дом, который ежедневно посещают семьдесят тысяч ангелов), пятое — из серебра, шестое — из рубинов, седьмое — из божественного света. Там находится Рай (аль-Джанна) и Древо крайнего предела (Сидрат аль-Мунтаха), за которое никто не может проникнуть.

Пространство и время, согласно исламской космологии, сотворены Аллахом и обладают началом. Время не циклично (как в некоторых восточных учениях), но линейно: есть

точка начала — творение, есть течение событий, ведущее к концу, и будет абсолютный конец, за которым последует вечное существование в мире ином. Это одно из центральных отличий исламского мировоззрения: история мира имеет однократный вектор, а не повторяющиеся циклы.

Этапы жизни мира, гибель и восстановление

Ислам содержит развёрнутое учение о конце света и последующей вечной жизни. Однако восстановление мира здесь не означает нового земного цикла (как в индуистской пралайе) и не тождественно христианскому преображению твари — после Страшного суда праведники обретают вечное блаженство в Раю, а грешники — вечное наказание в Аду. Сам материальный мир прекращает своё существование, уступая место новой реальности.

Процесс конца света расписан в Коране и хадисах (преданиях о пророке Мухаммаде, да благословит его Аллах и приветствует) с большой детализацией. Он включает несколько глобальных этапов.

Первый этап — малые признаки приближения Судного часа. Пророк Мухаммад перечислил многие из них: распространение невежества и несправедливости, учащение убийств, массовое строительство высотных зданий бедняками, ускорение времени, распространение ростовщичества, прелюбодеяния, появление большого количества женщин при недостатке мужчин. Эти признаки уже наблюдаются в истории и продолжают множиться.

Второй этап — большие знамения. К ним относятся: появление Даджаля (лжемессии, антихриста), выход народов Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог), прорыв стены, возведённой Зу-ль-Карнайном, восход солнца с запада, появление Зверя из земли, который будет говорить с людьми, опускание Корана на прежние места, огонь, выходящий из дна Адена, и другие. Каждое из этих знамений описано в хадисах.

Третий этап — сам конец мира. Ангел Исрафил затрубит в Рог (Сура) первым трубным гласом. От этого звука сотрясётся всё сущее, горы превратятся в пыль, небеса свернутся как свиток, звёзды посыплются, океаны закипят. Коран описывает эти события в суре «ат-Таквир» («Скручивание»): «Когда солнце будет скручено, когда звёзды падут, когда горы будут сдвинуты, когда верблюдицы на десятом месяце беременности останутся без присмотра...» (Сура 81:1–4). Это будет миг такого ужаса, что каждая беременная женщина выкинет свой груз, и люди покажутся пьяными, хотя они не пьяны — такова сила страха перед наказанием Аллаха.

Четвёртый этап — всеобщее воскресение. Исрафил трубит второй раз, и все тела восстанавливаются в неразрушимом виде. Души возвращаются в них. Люди выходят из могил — босые, нагие, необрезанные. Праведники сияют светом, а грешники — черны. Аллах производит суд. Деяния людей будут взвешены на весах (аль-мизан). Тот, чья чаша добра перевесит, окажется в Раю; тот, чья чаша зла перевесит, окажется в Аду. Однако есть и заступничество: пророк

Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) будет ходатайствовать перед Аллахом за свою общину, и это заступничество поможет уверовавшим, совершившим грехи, но не впавшим в неверие.

После суда — переход по мосту Сират, который тоньше волоса и острее лезвия. Праведники переходят его мгновенно, как ветер, а грешники срываются в геенну. Так заканчивается история земного мира и начинается вечность.

Восстановление мира в исламе, как уже сказано, не предполагает нового земного цикла или преобразования старой земли. На смену гибнущему миру приходит Рая (аль-Джанна) и Ад (Джаханнам). Рай описывается в Коране как сад, в котором текут реки из молока, вина и мёда, где для праведников уготованы дворцы из драгоценных камней и гурии с большими глазами, и где они пребудут вечно молодыми, не зная ни болезней, ни смерти. Ад — огненная бездна, в которой у грешников будет отрастать толстая кожа, чтобы они могли гореть и не сгорать дотла, и каждую пятницу огонь будет усиливаться.

После того как все распределены, наступает вечность без изменений. Высшая награда для обитателей Рая — лицезрение Лица Всевышнего Аллаха по пятницам. Это — предел блаженства, превосходящий все остальные наслаждения.

Предопределение и свобода воли в космическом масштабе

В исламской картине мира Аллах не только сотворил всё

сущее, но и предопределил каждое событие, деяние и даже падение листа с дерева. Это учение (аль-када ва-ль-кадар) — один из столпов веры. Вместе с тем ислам утверждает ответственность человека за свои поступки: добро и зло совершаются по воле человека, хотя и в рамках общего знания Аллаха о происходящем. В истории исламской мысли существовали разные школы, объяснявшие это соотношение. Ортодоксальная позиция (аш‘ариты) утверждает, что Аллах творит поступки человека, а человек «приобретает» их (касб), неся за них ответственность. Это учение позволяет сохранить и всемогущество Творца, и моральную ответственность творения.

Эта дискуссия имеет прямое отношение к космологии. Если Аллах управляет каждым атомом, то мир не просто был создан в прошлом, но и непрерывно поддерживается в бытии Творцом. В каждое мгновение, если бы Аллах отвернул Свой взгляд, мир исчез бы, как тень. Это представление о непрерывном творении подчёркивает абсолютную зависимость вселенной от Создателя.

Космология в народной традиции и суфизме

Наряду с учёной богословской традицией, в исламских обществах существует народный пласт космологических представлений. Здесь небесные сферы могут пониматься буквально, как в точности соответствие семи планетным орбитам и семи небесам Корана. Джинны (существа из «чистого огня») считаются обитателями промежуточных миров,

иногда видимыми человеку, иногда нет.

В суфизме (мистическом течении ислама) космология приобретает внутреннее измерение. «Семь небес» понимаются как ступени духовного восхождения души к Богу. «Престол» (аль-Арш) — как сердце совершенного человека. Мир вне нас — тень внутреннего мира. Это не отменяет объективной внешней космологии, но переводит её в иную плоскость, сохраняя при этом полную верность кораническому тексту (который суфии толкуют аллегорически наряду с буквальным значением).

В суфизме традиционная исламская космология трансформируется во внутреннюю географию человеческого духа. Внешний макрокосм (вселенная) полностью отражается в микрокосме (человеке).

Суть суфийской космологии

Сердце как космос: Небеса, ангелы и престол Бога находятся внутри человеческого существа.

Ступени (макамат): Семь небес символизируют этапы очищения души от эго (нафс) к абсолютному единству (таухид).

Путь восхождения: Духовный путь (тарик) — это обратное движение от множественности материального мира к Божественному Источнику.

Семь уровней бытия и души

Суфийские мастера (например, Ибн Араби) часто соотносят семь небес с концепцией семи тонких центров (латаиф)

или уровней очищения души:

Нафс аль-Аммара: Приказывающая душа (земной, животный уровень).

Нафс аль-Лаввама: Порицающая душа (пробуждение совести).

Нафс аль-Мульхима: Вдохновенная душа (начало духовного опыта).

Нафс аль-Мутмаинна: Упокоенная душа (обретение внутреннего мира).

Нафс ар-Радийя: Довольная душа (полное принятие воли Бога).

Нафс аль-Мардийя: Душа, которой доволен Бог (достижение гармонии).

Нафс аф-Камила: Совершенная душа (чистый свет и сотворение в Боге).

Итог по главе

Исламская космология представляет собой стройное учение, основанное на Коране и Сунне пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Она утверждает творение мира Единым Богом из ничего, последовательное развёртывание творения в шесть этапов (дней), устройство семи небес и земли как места обитания человека, а также определённый срок существования мира, который завершится Страшным судом, воскресением мёртвых и воздаянием. Восстановления земного мира не происходит — ему на смену приходит вечная жизнь в Раю или Аду.

Ислам не принимает идею циклического возвращения мира (как в некоторых неавраамических системах), не утверждает дуализма добра и зла как равноправных начал, не эмануирует мир из божественной субстанции. Исламская космология зиждется на трёх основаниях: таухид (абсолютное единобожие), творение из ничего (худус аль-‘алям) и неотвратимость суда (аль-яуму-ль-ахир).

Эта модель, ясная и непротиворечивая в своих основах, на протяжении веков служила для мусульман не только объяснением устройства вселенной, но и напоминанием о величии Творца и об ответственности человека за свои поступки перед Ним. Каждый мусульманин, совершая намаз и читая коранические аяты о небесах и земле, заново переживает эту космологическую истину: мир сотворён Аллахом, и он вернётся к Нему.

Глава 2. Христианство

Сотворение мира

Христианство, подобно исламу и иудаизму, исповедует творение мира из ничего — *creatio ex nihilo*. Но за этой общей формулой скрывается иная музыка, иной ритм и иная краска. Если в исламе акт творения сух и точен, как приказ командира («Будь!»), то в христианстве он разворачивается как священная драма, в которой участвуют три Лица единого Бога. Мир сотворен не просто волей Отца, но через Сына (Логоса, Слово) и в Духе Святом. Это не три разных действия, а единый акт любви, где творить — значит любить, и любить — значит выводить иное (мир) из небытия.

Первое, что отличает христианскую космологию, — наличие двух параллельных повествований о творении в первой главе Книги Бытия. Это важно подчеркнуть, потому что христианство унаследовало от иудаизма священный текст, но прочитало его сквозь призму новозаветного Откровения. Традиционно считается, что Моисей — автор Бытия, но сам текст сформировался из нескольких источников (ученые называют их Яхвист и Священнический кодекс). Однако для христианского богословия принципиально то, что оба рассказа — боговдохновенны и не противоречат, а дополняют друг друга.

Первый рассказ (Бытие 1:1 — 2:3) торжественен, почти

литургичен. Он разбивает творение на шесть дней. В первый день Бог создает свет — но не светила, а сам принцип света, отделяя его от тьмы. Обратите внимание: свет возникает раньше Солнца и Луны — для христианских апологетов это аргумент, что Бог не зависит от материальных источников света. Второй день: сотворение тверди (небесного свода), разделяющей воды над твердью и под твердью. Третий день: суша, моря и растения. Четвертый день: Солнце, Луна и звезды — «для знамений, и времен, и дней, и годов». Пятый день: рыбы и птицы. Шестой день: звери, скоты и, наконец, человек — мужчина и женщина, созданные «по образу Божию». Седьмой день: Бог почил от дел — день покоя, суббота. В христианской традиции этот день позже сместится на воскресенье (день Воскресения Христова), но образ «почившего Творца» останется.

Второй рассказ (Бытие 2:4–25) написан совершенно иначе. Здесь мир еще пуст, «пар поднимался с земли», и Бог лепит человека из «праха земного» (глины), вдыхает в него «дыхание жизни» — и человек становится «душою живою». Затем Бог сажает сад в Эдеме, помещает туда человека, а потом создает животных и птиц как помощников — но ни один не подходит. Тогда Бог наводит на человека сон, берет одно из его ребер и создает женщину. Этот рассказ антропоцентричен: человек — не венец творения в конце шести дней, а практически начало драмы, ради которой всё остальное и происходит.

Как христианство разрешает противоречие между двумя рассказами? Разные богословские школы давали разные ответы. Ориген и Августин говорили о едином мгновенном акте творения, который затем «описан в виде шести дней для человеческого понимания». Фома Аквинский полагал, что первые три дня ангелы были сотворены, но материальный мир разворачивался последовательно. Современные консервативные протестанты настаивают на буквальных 24-часовых днях, тогда как католицизм и православие чаще допускают аллегорическое или эволюционное прочтение (дни как «периоды»). Важно другое: для христианства сам факт творения из ничего — догмат, а его детали — вторичны.

Творение из ничего — это революция по сравнению с античными космогониями. Для греков мир либо вечен, либо создан из бесформенной материи (Хаос). Для христиан Бог предшествует материи, он ее Господь, а не демиург, обрабатывающий готовый материал. Это, между прочим, имело огромное значение для развития науки: если мир сотворен разумным Богом, то в нем есть порядок, законы, которые можно познать. Если же мир вечен и самоорганизован — то зачем его изучать? Отцы Церкви (например, Василий Великий в «Шестоднев») прямо призывали «читать книгу природы» наравне с Писанием.

Космологическая модель

В отличие от ислама, который быстро приспособил птолемеевскую систему, христианство долго и мучительно вы-

рабатывало свою космологию. У ранних христиан не было единой картины. Апостол Павел говорит о «третьем небе», куда был восхищен (2 Кор. 12:2). Это предполагает многослойность небес, но не их число. Отцы Церкви предлагали разные варианты: от трех небес (физическое, звездное, духовное) до семи (по аналогии с иудейской традицией). Победу в итоге одержала греческая модель небесных сфер — но переосмысленная как иерархия ангельских чинов.

Приведем классическую средневековую христианскую картину мира, которая доминировала на латинском Западе примерно с IX по XVI век. В центре вселенной — неподвижная шарообразная Земля. Вокруг нее вращаются семь планетных сфер (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн). За ними — сфера неподвижных звезд. Девятая сфера — кристаллическое небо, перводвигатель. А за всем этим — Эмпирей, «огненное небо», обиталище Бога и избранных ангелов. Эта модель прекрасна, но она почти полностью заимствована у Аристотеля и Птолемея через арабских философов. Единственное, что христианство добавило, — топологию Рая и Ада. Рай помещали в Эмпирее (иногда — за пределами всех сфер). Ад — в центре Земли (Данте поместил его в воронке, достигающей центра земного шара). Чистилище — внутри Земли, на полпути между поверхностью и адом.

Однако у византийского православия была несколько иная картина. Здесь сильнее чувствовалось влияние неопла-

тонизма — мир как эманация божественного света. Но, в отличие от гностиков, православные никогда не считали материю злом. «Слово стало плотью» (Ин. 1:14) — центральный догмат, который делает материю священной. Поэтому христианская космология, в отличие от исламской, не боится сближения Бога и мира. Бог вошел в мир как Иисус Христос, и мир уже никогда не будет просто тварью — он станет «новым небом и новой землей» (Откр. 21:1), преображенными, но не уничтоженными.

Этапы жизни мира, гибель и восстановление

Вот где христианская космология расходится и с исламом, и с иудаизмом кардинально. Для христиан мир не просто будет уничтожен, чтобы уступить место Раю и Аду. Он будет преображен. Материя не исчезает, не сгорает без следа, но становится «новой» — какой она была задумана изначально, до грехопадения. Апостол Павел пишет: «Тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих... потому что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению» (Рим. 8:19–21). Это уникальный элемент: вселенная не просто антураж человеческой драмы, а активный участник, который «стенает и мучится» (Рим. 8:22) в ожидании искупления.

Эсхатология христианства — одна из самых детализированных в авраамической семье. Имеет смысл разбить ее на последовательные этапы.

Первый этап — Второе Пришествие Христа. Оно будет внезапным, как молния, видимым для всех (не только для

верующих). Христос сойдет «на облаках» в сопровождении ангелов. Этот момент в Евангелиях описан апокалиптическими образами: солнце померкнет, луна не даст света, звезды падут с неба (Мф. 24:29). Но в отличие от исламского «скручивания солнца», здесь сохраняется надежда: пришествие Христа — не только суд, но и освобождение.

Второй этап — воскресение мертвых. В христианстве оно всеобщее: праведники и грешники восстанут в своих телах. Это очень важно: христианство не учит о бессмертии души в отрыве от тела (как платонизм). Тело восстанавливается, но становится «духовным телом» (1 Кор. 15:44) — материальным, но уже не подверженным болезням и смерти. Это одна из самых трудных для понимания, но и самых характерных христианских доктрин.

Третий этап — Страшный Суд. Христос судит все народы. В Евангелии от Матфея (25:31–46) дан потрясающий образ: Царь отделяет овец от козлов, и критерий суда — милосердие, оказанное «наименьшим из братьев». То есть спасение — не просто в вере, но в любви, воплощенной в делах. Это отличает христианство от ислама с его акцентом на подчинение воле Аллаха, и от иудаизма с акцентом на соблюдение Закона.

Четвертый этап — конец старого мира и создание нового. В Откровении Иоанна Богослова сказано: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21:1). Обратите вни-

мание: море в библейской символике — хаос, смерть, угроза. «Моря уже нет» означает полное исчезновение смерти и страдания. При этом «новая земля» — не бесплотный рай, а конкретный космос, в который сходит Небесный Иерусалим — город из драгоценных камней, но со вполне земными измерениями. Это не эфирная пустота, а густонаселенный, радостный и телесный мир. В отличие от исламского Рая, который часто описывается как сад (более архаичный образ), христианский Новый Иерусалим — это город. Культурный, технический, соборный. Город, где нет храма, «ибо Господь Бог Вседержитель — храм его» (Откр. 21:22).

В христианстве нет идеи цикла (как в индуизме). Мир один, он начался творением, испортился грехопадением, искупился смертью и воскресением Христа, и завершится преображением. Но внутри этой линейности есть сильное эсхатологическое напряжение. Христианство живет в состоянии «уже, но еще не» — Царство Божье уже наступило в лице Христа, но еще не полностью осуществилось. Это делает христианскую космологию глубоко драматичной: каждый момент времени имеет значение, ничто не повторяется, и каждое доброе дело — вклад в новую вселенную.

Космология грехопадения

Ни в исламе, ни в иудаизме нет доктрины первородного греха в том виде, как она сложилась в христианстве (особенно в западном, августинианском). Падение Адама и Евы — не просто первый проступок, а катастрофа космического

масштаба. Грехопадение исказило не только человеческую природу, но и саму структуру мира. Появляются болезни, смерть, тернии, хищничество животных. Павел пишет, что «смерть через одного человека» (Рим. 5:12). Это означает, что до грехопадения смерть в мире отсутствовала. Мир был иным — совершенным, но не законченным. Человек должен был «возделывать сад» (Быт. 2:15) — то есть развивать его, а не просто пассивно созерцать.

Эта космология грехопадения объясняет, почему христианство, в отличие от ислама, не видит в страдании и смерти «норму». Страдание — враг, смерть — последний враг, который будет уничтожен (1 Кор. 15:26). В исламе смерть естественна (Аллах создал жизнь и смерть, чтобы испытать людей), в христианстве смерть — неестественна, следствие греха. Отсюда радикальное отличие в отношении к телу: христианство не сжигает умерших (как индуизм) и не просто хоронит (как ислам), а ожидает воскресения во плоти. Потому мощи святых — не идолопоклонство, а залог грядущего телесного воскресения.

Христианская космология в восточном и западном вариантах

Важно различать православную (византийскую) и католическую (латинскую) космологические традиции. Для православия характерна большая связь с неоплатонизмом. Свет Фаворский (нетварный свет, который увидели апостолы на горе Преображения) — это не созданный свет, а божествен-

ная энергия. Мир пронизан этими энергиями, поэтому православный храм — это не просто здание, а модель вселенной: купол — небо, иконостас — граница между видимым и невидимым. В этом смысле православная космология более «инклюзивна» — она не боится говорить о присутствии божественного в мире (отличие от строгой трансцендентности ислама).

Католицизм, особенно в лице Фомы Аквинского, сделал акцент на рациональной постижимости мира. Бог — Первопричина, мир — следствие. Между ними нет «энергий» (как у православных), есть аналогия: о Боге можно говорить через творение, но само творение не содержит божественного. Это позволяло развивать естествознание: изучать мир как автономный, закономерный механизм, поставленный Творцом. Галилей, Коперник, Ньютон были верующими католиками (хотя и конфликтовали с церковной иерархией). Их космология сначала была геоцентрической, затем гелиоцентрической, но вера в творение *ex nihilo* и линейность времени осталась.

Протестантизм, отколовшись от католицизма в XVI веке, внес свою лепту. Лютер и Кальвин настаивали на буквальном прочтении Бытия (против аллегоризма католических схоластов). Это, по иронии судьбы, стимулировало в XIX–XX веках консервативный креационизм — учение о буквальной шестидневности. Но одновременно протестантизм породил и либеральную теологию, полностью принявшую эволюцию

и Большой взрыв, переосмыслив их как «способы, которыми Бог творит». Так христианская космология стала удивительно пластичной.

Связь с другими религиями: сравнение

Сравнивая христианство с исламом, мы видим несколько ключевых отличий. В христианстве мир преобразается, а не заменяется. В исламе старый мир полностью уничтожается, новый — это Рай и Ад, а не преображенный космос. В христианстве спасение через воплощение и воскресение Бога — идея, немыслимая для ислама (для которого Бог абсолютно трансцендентен и не может стать человеком). В христианстве материя освящена (таинства, иконы, мощи), в исламе храмовая космология гораздо более абстрактна (мечеть — это прежде всего пространство молитвы, а не модель вселенной).

Сравнивая с иудаизмом: христианство приняло греческую космологию (круги, сферы), тогда как иудаизм в значительной степени остался в ветхозаветной трехчастной картине (небо, земля, преисподняя). Христианство разорвало связь земли с политической и сакральной географией Иерусалима — Новый Иерусалим сходит с неба, а не восстанавливается людьми. Это различие: для иудаизма важна земля Израиля как космическая ось, для христианства ось — уже не место, а Лицо (Христос).

В сравнении с индуизмом и буддизмом христианство — нециклично. Но интересно, что в XX веке некоторые хри-

стианские теологи (например, Тиллих) заговорили о «множественных творениях», пытаясь ответить на вызов эволюции. Однако официальные церкви (православная, католическая) держатся одного творения — одного мира.

Космология и наука: от осуждения Галилея до Большого взрыва

История отношений христианства и космологии полна драм. Самая известная — дело Галилея (1633). Галилей доказывал гелиоцентризм, церковь (католическая) настаивала на геоцентризме, ссылаясь на Писание («остановилось солнце» — Книга Иисуса Навина). Галилея осудили, но его идеи победили. Позже, уже в XX веке, произошел удивительный поворот: теория Большого взрыва (Леметр, 1927) была предложена католическим священником и математиком Жоржем Леметром. Папа Пий XII объявил Большой взрыв подтверждением «да будет свет». Физики (включая Хойла, придумавшего термин «Big Bang» как насмешку) сопротивлялись, потому что теория слишком напоминала творение из ничего. Но со временем она стала стандартной космологией. Христианство интегрировало научную картину: Большой взрыв — это и есть *creatio ex nihilo* в физическом языке. Первые три минуты — аналог «шести дней». Инфляционная космология — новый взгляд на то, как из точки возникли все структуры. И современные христианские апологеты (например, Джон Леннокс, Алистер Макграт) с радостью используют Большой взрыв как аргумент в пользу Творца.

Но есть и другая линия: христианский эволюционный креационизм. Пьер Тейяр де Шарден, иезуит и палеонтолог, видел в эволюции путь к «точке Омега» — Христу, который соберет вселенную воедино. Это очень красивая и спорная концепция, но она показывает, как христианская космология может впитывать новые научные данные, не теряя своей сути: мир имеет начало, движется к цели и будет преображен.

Христианская космология в искусстве и народной вере

Нельзя обойти молчанием, как христианская космология стала плотью искусства. Посмотрите на мозаики равеннских базилик — небо как золотая сфера, Христос-Вседержитель (Пантократор) в центре купола. Или на «Божественную комедию» Данте: девятисферный рай, концентрический ад, гора Чистилища — это каноническая католическая космология, ставшая поэзией. Или на иконы Софии Премудрости Божией в православии — космос как храм, где Бог — архитектор. В народном христианстве (особенно в сельской среде) сохранились архаичные черты: земля на трех китах, рай за радугой, ад в жерле вулкана. Церковь часто боролась с такими представлениями, но они живучи — как любой фольклорный слой.

Итог по главе

Христианская космология — это драма свободы и любви, написанная на космическом полотне. Она начинается с ничто, проходит через грехопадение, которое искажает материю, достигает кульминации в воплощении Слова — Бог ста-

новится Человеком, — и завершается преобразованием вселенной в новый, вечный, телесный и радостный дом. В этом уникальность христианства среди авраамических религий: ислам говорит о подчинении и суде, иудаизм — о завете и обетованной земле, христианство — о любви, которая настолько сильна, что выходит за пределы себя, творит, страдает, умирает и воскресает, увлекая за собой весь космос.

В сравнении с другими космологиями христианство занимает «среднее» положение между трансцендентностью ислама и имманентностью восточных религий. Оно не растворяет мир в Боге (пантеизм) и не отделяет Бога от мира абсолютной пропастью (деизм исламского типа). Оно говорит о тайне: Бог и мир различны, но соединены во Христе. Эта хрупкая и парадоксальная позиция — возможно, самое трудное для принятия, но и самое мощное, что христианство предложило человеческой мысли о вселенной.

Глава 3. Иудаизм

Сотворение мира

Иудаизм — древнейшая из трех авраамических религий, и его космология одновременно и знакома, и чужда тем, кто вырос на христианстве или исламе. Знакома потому, что Книга Бытия — общее достояние. Чужда потому, что иудаизм никогда не стремился превращать космологические образы в стройную философскую систему. Для раввинов Вселенная интересна не как физический механизм, а как театр, где разыгрывается Завет между Богом и народом Израиля. Поэтому в иудаизме мы находим не одну, а несколько космологических моделей, которые мирно сосуществуют: библейская, талмудическая, каббалистическая и средневековая философская. И каждая из них добавляет новые краски.

Начнем, однако, с того, что объединяет все версии. Иудаизм, как и христианство с исламом, исповедует творение из ничего — *creatio ex nihilo*. Но в самой Библии этот догмат сформулирован не прямо. Первое слово Торы — «Бере-
-дОшит» (בְּרֵאשִׁית), что обычно переводят как «В начале». И однако грамматически это «в начале» стоит в сопряженном состоянии, и буквальный перевод — «В начале сотворения Богом неба и земли...». Это позволяет некоторым комментаторам (например, Раши) предполагать, что до творения уже существовала некая первичная материя — *тоху ва-воху* (пу-

стота и бездна). Но к концу I тысячелетия н.э. еврейская философия (особенно под влиянием арабского аристотелизма и исламского калама) утвердила творение *ex nihilo* как ортодоксальную позицию. Маймонид (XII в.) четко сформулировал: Бог создал мир из абсолютного небытия, и это не подлежит сомнению.

Библейский рассказ в Бытии 1 — это гимн порядку. Семь дней, каждый завершается формулой «И был вечер, и было утро: день ...-й». Обратите внимание на еврейский текст: слово «день» (йом) может означать и 24 часа, и неопределенный период. Поэтому даже в талмудические времена некоторые раввины предполагали, что дни творения — это эпохи длиной в тысячи лет (Санхедрин 97а ссылается на псалом «тысяча лет в глазах Твоих как день вчерашний»). Однако народная традиция чаще держалась буквальной шестидневности, особенно в календарном контексте: суббота — это память о том, что Бог «почил в седьмой день» (Исход 20:11). Шаббат — не просто выходной, а космологический акт: мир завершен, и человек призван подражать Творцу, останавливая творческую активность.

Отличие от христианства проявляется уже здесь. Для христиан седьмой день — прообраз вечного покоя в Царстве Божьем. Для иудаизма суббота — это еженедельное возвращение к завершенному творению, радость о том, что мир хорош, что Бог сказал «тов» (хорошо, добро) после каждого дня, а после шестого — «тов меод» (очень хорошо). В иуда-

изме нет грехопадения как космической катастрофы (оно есть, но его масштаб меньше). Мир после Адама и Евы — это все еще «очень хороший» мир, просто люди получили заповеди, чтобы сделать его еще лучше.

Второй рассказ (Бытие 2) дает иную, более домашнюю картину. Бог — как садовник, лепящий человека из глины и сажающий сад. Это очень земная космология, без греческих сфер. И в этом ее сила: мир не абстрактная конструкция из кругов, а живое пространство с деревьями, реками и животными, которым человек дает имена. Имена — ключевой момент. Давая имена животным, Адам совершает первый акт культуры, упорядочивая хаос словом. Это не творение из ничего, но творение через номинацию. Каббала потом разовьет эту идею до предела: буквы ивритского алфавита — строительные блоки вселенной.

Космологическая модель

Если христианство восприняло греческую модель небесных сфер, а ислам приспособил птолемееву астрономию, то иудаизм в своем талмудическом и мидрашистском изводе сохранил архаичную трехчастную картину мира, которая восходит к древнему Ближнему Востоку. Эта картина проста, почти детски-наглядна.

Представьте себе: земля — это большая плоская плита, возможно, круглая или квадратная. Над землей — твердый небесный свод (ракиа), который отделяет верхние воды от нижних. В этом своде — окна, через которые льется дождь,

а также отверстия для Солнца, Луны и звезд. Над сводом — небеса, где обитает Бог с ангелами. Под землей — шеол, царство мертвых, мрачная подземная область, куда нисходят все умершие независимо от праведности. Шеол — не ад в христианском смысле (нет мук, просто тень, забвение), но и не рай. Это скорее «общая могила человечества».

Вода играет огромную роль. Творение начинается с того, что дух Божий («руах Элохим») носится над водой (Быт. 1:2). Вода предшествует земле и небу. Она — хаотическая стихия, которую Бог укрощает, но не уничтожает. В Псалмах и Книге Иова море предстает как чудовище (Левиафан, Раав), которого Бог сдерживает плотиной, чтобы оно не затопило мир. Этот образ — отголосок ханаанского мифа о битве Баала с Йамму (Морем). Иудаизм не борется с этим пережитком, а переосмысляет: Бог всемогущ, Он создал и море, и Левиафана, но оставил их как напоминание о победе порядка над хаосом.

Выше тверди — «верхние воды». Они прозрачны или цвета неба. В талмудической литературе спорили, как далеко простирается небо. Рабби Йехуда сказал: расстояние между небом и землей — 500 лет пути. Рабби Акива говорил о нескольких небесах — но не о семи сферах Птолемея, а о чем-то вроде слоеного пирога: вилон (завеса), ракиа (твердь), шехаким (облака), звул (обитель), маон (жилище), махон (основание), ара вот (тучи). Это семь небес, но они не геометрические сферы, а скорее качественные слои.

Интересно, что имена этих небес заимствованы из Библии (например, зевул — «обиталище» в 3 Царств 8:13). В отличие от ислама, где семь небес — строгие сферы с планетами, в иудаизме они — скорее административные округа ангельской бюрократии.

Особое место занимает Иерусалим и Храм. Для иудаизма Земля Израиля — центр мира (Талмуд говорит, что мир был сотворен от Сиона). Храмовая гора — камень основания (эвен штия), на котором покоится вся вселенная. Из-под этого камня бьют источники вод бездны. В Храме космология воплощалась буквально: Святая Святых — небо, Святилище — земля, двор — подземный мир. Менора (семисвечник) — семь небес или семь планет. Завеса — разделение между видимым и невидимым. Жертвоприношения — поддержание космического порядка, «кормление» божественного присутствия (очень осторожно, чтобы не впасть в язычество). Разрушение Храма (70 г. н.э.) стало космологической катастрофой — мир лишился оси, и с тех пор связь между небом и землей нарушена. Это объясняет мессианское ожидание: приход Машиаха восстановит Храм и космос.

Космология времени: еврейский календарь

Иудаизм ввел в космологию измерение, которое почти отсутствует в христианстве (кроме литургического года) и в исламе (кроме хиджры). Это циклическое время внутри линейного. Еврейский календарь начинается, согласно традиции, от сотворения мира — сегодня мы живем в 5780-х го-

дах (2025 год н.э. соответствует 5785–5786). Но отсчет не дает счета «мировых лет», как в индуизме, а скорее утверждает, что история имеет начало. Кроме того, еженедельный цикл (шаббат) — это малое космическое возвращение к Творению. Месяц (годдаг) основан на луне — и луна убывает и прибывает, символизируя смерть и возрождение. Годовой цикл праздников воспроизводит космогонию: Рош ха-Шана (Новый год) — день сотворения мира (или день суда над ним), Песах — весеннее освобождение, связанное с исходом из Египта, что есть повторение акта творения (Израиль рождается как народ). Суккот — праздник кушей, когда евреи покидают постоянные дома и живут в шалашах, имитируя облака славы, окружавшие Израиль в пустыне — то есть возвращение к первичному состоянию странствия, близкому к хаосу.

Но самый мощный циклический элемент — юбилейный год (йовель). Каждый 50-й год земля отдыхает, рабы отпускаются, имущество возвращается первоначальным владельцам. Это не просто социальный закон, а космологический ресет: мир возвращается к исходному распределению, установленному Богом. Однако этот цикл не бесконечен — он оборвется с приходом Мессии.

Этапы жизни мира, гибель и восстановление

В иудаизме эсхатология менее детализирована, чем в христианстве и исламе, и существует в нескольких вариантах. В библейских пророчествах (Исайя, Иезекииль, Даниил) есть

образ «конца дней» (ахарит ха-ямим). Но что это? Для одних пророков — торжество Израиля над врагами, для других — всеобщее воскресение мертвых. В книге Даниила (12:2) сказано: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся: одни для жизни вечной, другие для поругания и посрамления вечного». Это одно из немногих четких упоминаний воскресения в еврейской Библии. Но не все иудейские течения принимали воскресение. Саддукеи (аристократическая партия священников) отрицали его, фарисеи (предтечи раввинистического иудаизма) утверждали. После разрушения Храма воскресение стало ортодоксальной доктриной.

Маймонид в своем «13 принципах веры» включил воскресение мертвых и приход Машиаха. Однако он же предупреждал: не стоит детально воображать мир грядущий, ибо «око не видало, Боже, кроме Тебя» (Ис. 64:4). В этом разница с христианской апокалиптикой: иудаизм стыдливо обходит подробности, боясь сделать их слишком плотскими (что могло бы привести к многоженству или, наоборот, к аскетизму). В талмудическом трактате «Брахот» (34б) сказано: «Все пророки пророчествовали только о днях Машиаха, но о будущем мире — "око не видало, Боже, кроме Тебя"». Иными словами, космология восстановления максимально размыта.

Но есть и исключения. В мидрашах описаны три этапа конца: дни Машиаха, воскресение мертвых, и «Олам ха-ба» (Грядущий мир). Дни Машиаха — это исторический период, когда Израиль будет жить в мире, соблюдать Тору, а

народы признают Бога. Но смерть и грех еще существуют. Затем — воскресение. Души возвращаются в тела, и происходит суд. После этого — Олам ха-ба, где праведники наслаждаются сиянием Шехины (божественного присутствия). При этом некоторые раввины учили, что в Олам ха-ба нет ни еды, ни питья, ни размножения — только «праведники сидят с венцами на головах и наслаждаются сиянием Шехины». Это очень близко к бесплотному раю, что вызывает споры, ибо противоречит библейскому акценту на телесность.

Так происходит ли восстановление мира в иудаизме? Да, но не «новое небо и новая земля» (как в христианстве), а скорее «исправленное» небо и земля. Исходный порядок возвращается, но не отменяется. Города будут отстроены, Храм восстановлен, мир наполнится знанием Бога «как воды покрывают море» (Ис. 11:9). Это не преобразование природы, а ее просветление. Уничтожения старого мира не будет — будет его ремонт.

Каббалистическая космология: Цимцум и Швират келим

Иудаизм дал миру одну из самых сложных и красивых космологических моделей — каббалу. Особенно лурианскую каббалу XVI века (Ицхак Лурия, Ари). Она полностью переворачивает привычное представление о творении из ничего. Согласно Лурии, чтобы создать мир, Бог должен был сначала уйти из себя — совершить «Цимцум» (צמצום), т.е. свертывание. Бесконечный Бог (Эйн Соф) заполнял всё пространство. Там не было места для мира. Поэтому Бог сде-

лал «пустоту» — вакуум, свободное пространство, куда Он затем «излучил» свет творения. Это радикальная идея: творение начинается с божественного самоограничения, добровольного ухода, почти «де-творения». Она повлияла даже на современную космологию (некоторые физики сравнивают Цимцум с Большим взрывом как сжатием сингулярности).

После Цимцума Бог выпускает в пустоту луч света. Свет проходит через сфирот (10 эманаций божественных атрибутов). Но «сосуды» (келим), в которые свет пытается войти, не выдерживают и разбиваются («швират келим»). Осколки падают вниз, в материальный мир, унося с собой искры святости. Задача человека — собирать эти искры (тиккун, исправление), поднимая их обратно через соблюдение заповедей. Когда все искры собраны, мир достигает совершенства. Это совершенно иная космологическая драма: мир не просто сотворен, он сломан с самого начала, и каждый человек — соучастник космического ремонта.

Эта модель объясняет наличие зла и несовершенства в мире: сосуды разбились. Но она же дает надежду: конец света — не катастрофа, а момент полного тиккуна, когда все искры возвращаются, и мир становится единым с Богом, но не исчезая. Здесь каббала сближается с христианским преображением, но возможна и аналогия с индуистским космическим циклом, только цикл здесь — единственный.

Каббала создала также модель «четырех миров»: Ацилут (мир эманации — Божество), Брия (творение — престол сла-

вы), Йецира (формирование — ангелы), Асия (действие — материальный мир). Каждый мир — это десять сфирот, вложенных друг в друга. И каждый человек — микрокосм, содержащий все миры в себе. Это уже далеко от простой трехчастной библейской картины, это изощренная метафизика.

Средневековая еврейская философская космология

Маймонид (1138–1204) попытался примирить иудаизм с аристотелизмом. Он признавал сферы Птолемея, но утверждал, что они не вечны (как учил Аристотель), а сотворены Богом. Для Маймонида космос — огромная сфера, внутри которой меньшие сферы. Но есть принципиальное отличие от христианской модели: Маймонид был строгим монотеистом и отвергал любые попытки «одушевить» сферы (как у арабских неоплатоников). Ангелы — не небесные жители, а интеллигенции, формы без материи. Он даже писал, что «ангел» может означать и природную силу — например, огонь. Это рационализация космологии, почти де-мифологизация.

Другие еврейские философы (Иехуда Галеви, «Кузари») спорили с Маймонидом, настаивая на уникальности откровения. Для Галеви история Израиля — это космологическое событие, более важное, чем устройство небес. Внешний вид вселенной может быть любым, важно, что Бог вступил в завет с конкретным народом на конкретной горе — Синае. Это радикальный антропоцентризм, но совершенно иной, чем в христианстве: не «Бог стал человеком», а «народ стал носителем божественного закона».

Сравнение с исламом и христианством

Чем иудаизм отличается от двух младших авраамических религий? Прежде всего, отсутствием четко фиксированной догматической космологии. В иудаизме можно быть буквалистом (земля на трех китах) и аристотелианцем (небесные сферы) и каббалистом (сфирот и тиккун) — и все они считаются ортодоксальными, если соблюдают заповеди. Второе отличие — малая роль эсхатологии в повседневной жизни. Иудаизм в основном сосредоточен на этой жизни, на освящении каждого дня через благословения и заповеди. Мир после конца — это важно, но гадательно. И наконец, третье: иудаизм не имеет центрального авторитета (вроде папы или консенсуса улемов), который бы утвердил единую космологию. Поэтому она остается многоголосой.

Конкретные отличия от ислама: исламское творение из ничего — мгновенное «Будь!». В иудаизме это долгий процесс, где Бог действует как мастер, художник, садовник. Ислам категорически исключает антропоморфизм, иудаизм с ним борется, но в мидрашах легко говорит о том, что Бог «облачается» в свет как в плащ, «пробуждается» от гнева. Это иной стиль религиозного воображения: ближе к телу, к земле, к жесту. Отличие от христианства: христианство говорит о единстве трех Лиц, иудаизм говорит об абсолютном единстве (эхед), нерасчленимом. Христианство видит в мире следы страдающего Бога (крест), иудаизм видит в мире закон и порядок, пусть и нарушаемый человеком.

Отличие от неавраамических религий: нет цикла, нет кармы, нет реинкарнации (хотя каббала иногда допускает гилгул — переселение душ, но маргинально). Мир один, он хорош, и его нужно не покидать (как в буддизме), а освящать. В этом иудаизм ближе всего к зороастризму (борьба со злом здесь, на земле), но без дуализма.

Итог по главе

Иудейская космология — это голос из глубины древности, который не стал стройной системой, но сохранил свежесть прямого взгляда на мир. Плоская земля под твердым куполом неба, воды над и под, шеол внизу, рай наверху — и всё это держится на камне Сиона. В этом есть что-то детское, но не примитивное. Это космология, в которой можно жить: каждое утро вставать, благодарить Бога за то, что Он «протирает землю на водах», и видеть небо не как абстрактную математическую сферу, а как дом ангелов и божественной славы.

Иудаизм не дал миру Коперника или Галилея (хотя были еврейские астрономы, как библейский Авраам бар Хийя), но он дал миру субботу. А суббота — это остановка, которая делает космологию не отвлеченной теорией, а ритмом жизни. Каждый седьмой день иудей повторяет: мир завершен, хорош, и я призван не переделывать его, а радоваться ему. Это другой тип мудрости — не «как устроен мир», а «как быть в мире». Возможно, именно поэтому иудаизм пережил крушение библейской космологии (открытие, что земля круглая и

вращается вокруг Солнца) безболезненно: потому что в центре его космологии не координаты, а завет. А завет не отменяется шарообразностью.

Глава 4. Зороастризм

Сотворение мира

Если ислам, христианство и иудаизм говорят об одном Боге, который творит мир из ничего и единолично правит им, то зороастризм предлагает совсем иную картину. Здесь с самого начала существуют два равновеликих, изначальных и противоположных начала: Ахура Мазда (Господь Премудрый) — дух добра, света, жизни, истины, порядка — и Ангра-Майнью (Злой Дух) — дух зла, тьмы, смерти, лжи, хаоса. Эти два духа существуют вечно, но не в состоянии войны — война началась после того, как Злой Дух вторгся в мир, созданный Ахура Маздой. В этом радикальное отличие от авраамических религий: зло не есть отсутствие добра или наказание за грех; зло — самостоятельная, активная сила. Ахура Мазда не всемогущ в абсолютном смысле: он не может уничтожить зло мгновенно, но может и должен победить его в конце времен через цепочку событий, в которых человек играет решающую роль.

Зороастрийская космология — это драма, которая развивается в три эры. Первая эра — время «Творения» (Бундахишн, пехлевийский текст «Основы творения»). Вторая эра — время «Смешения» (Гумезишн), когда добро и зло переплетены и борются. Третья эра — время «Разделения» (Визаришн), когда зло навсегда уничтожено и мир очи-

щен. Эта трехчастная структурность придает зороастризму удивительный оптимизм: да, мир сейчас несовершенен, да, в нем страдания, но это временно, и конец будет победой добра.

А тепе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.